

Александр Куприн

Страшная минута

Александр Куприн
Страшная минута

«Public Domain»

1895

Куприн А. И.

Страшная минута / А. И. Куприн — «Public Domain», 1895

«Просторная новая терраса дачи была очень ярко освещена лампой и четырьмя канделябрами, расставленными на длинном чайном столе. Июльский вечер быстро темнел. Старый липовый сад, густо обступивший со всех сторон дачу, потонул в теплом мраке. Только листья сирени, в упор освещаемые лампой, резко и странно выступали из темноты, неподвижные, гладкие и блестящие, точно вырезанные из зеленой жести. Ни шороха, ни звука не доносилось из заснувшего сада. Несмотря на раздвинутые полотняные занавеси, свечи горели ровным, немигающим пламенем. Было душно, и чувствовалось, что в нагретом наэлектризованном воздухе медленно надвигается ночная гроза. Пахло медом, цветущей липой и бузиной...»

© Куприн А. И., 1895

© Public Domain, 1895

Александр Иванович Куприн

Страшная минута

Просторная новая терраса дачи была очень ярко освещена лампой и четырьмя канделябрами, расставленными на длинном чайном столе. Июльский вечер быстро темнел. Старый липовый сад, густо обступивший со всех сторон дачу, потонул в теплом мраке. Только листья сирени, в упор освещаемые лампой, резко и странно выступали из темноты, неподвижные, гладкие и блестящие, точно вырезанные из зеленой жести. Ни шороха, ни звука не доносилось из заснувшего сада. Несмотря на раздвинутые полотняные занавеси, свечи горели ровным, немигающим пламенем. Было душно, и чувствовалось, что в нагретом наэлектризованном воздухе медленно надвигается ночная гроза. Пахло медом, цветущей липой и бузиной.

Варвара Михайловна Рязанцева приготавливала на террасе с помощью горничной чай для собравшихся гостей. Перебравшись на дачу, она и ее муж не прекратили по вторникам своих интимных вечеров, которые сделались только малолюднее и теснее, потому что собирались на них исключительно дачные знакомые. Городским было неудобно ездить за пятнадцать верст на какие-нибудь три-четыре часа.

Варвара Михайловна веселыми, возбужденными глазами оглядывала стол, покрытый новой, нигде не смятой скатертью, на снежной белизне которого так приятно веселили глаз серебряные сухарницы, молочники, и ложки, и блестящие хрустальные вазы с вареньем, конфетами и фруктами. В продолжение всех четырех лет замужества она интересовалась своим небольшим хозяйством с живой и искренней любовью, свойственной молодым женщинам, привыкшим окружать мужа нежной заботливостью.

Она обожала своего мужа, несмотря на двадцатилетнюю разницу в их годах. Этот человек, известный всему ученому миру крупными работами в области бактериологии, был в частной жизни большим ребенком, болезненным, хилым, бесконечно добрым, рассеянным до анекдотической степени и деликатным до робости. Варвара Михайловна гордилась честью носить его славную фамилию неутомимого ученого и безукоризненно честного человека, но еще больше гордилась тем, что она создала для него и постоянно поддерживала комфорт и порядок семейной жизни и что сумела незаметно сделаться во всем ему необходимою: его нянькою, его памятной книжкой, его другом. И теперь, занятая хлопотливыми обязанностями хозяйки, часто с заботливой любовью поглядывала через двери в гостиную, где в углу над шахматным столиком склонилась большая, характерная голова Рязанцева с открытым шишковатым лбом мыслителя и с детскими глазами, голубыми и ясными.

Когда чай был готов, Варвара Михайловна пригласила гостей на террасу. В гостиной остались только ее муж и его всегдашний партнер, старый профессор Ильченко, оканчивавшие партию. Она подошла к ним и, облокотившись сзади на стул мужа, спросила, где они будут пить чай. Ильченко, проигравший уже две партии и теперь видевший, что никак не может защитить своего короля от ладьи Рязанцева, встал из-за стола.

– Я положительно не в состоянии сегодня скомбинировать двух самых простых ходов, – сказал он с досадою. – Голова – точно свинцовая. Вероятно, ночью будет гроза.

Он вышел на террасу. Рязанцев, весь вечер не выдавший жены, взял ее за руку и слегка притянул к себе.

– Какая ты сегодня красавица, моя девочка, – сказал он, ласково ей улыбаясь.

Она стояла перед мужем, легкая и грациозная, во всем пышном расцвете своей двадцативосьмилетней красоты, с высокою грудью и гибкой талией. Легкая кофточка из тонкого белого крепа, лежавшая на ней свободными складками и не скрывавшая стройных очертаний ее молодого тела, оставляла открытыми по локоть круглые и крепкие, чуть пушистые руки. У нее было нежное, матовое лицо темной шатенки; губы маленькие, полные и круто изогнутые,

какие встречаются только у женщин на картинах Рубенса; большие глаза, казавшиеся вечером совсем черными благодаря расширившимся зрачкам; пышные, немного жесткие, черно-рыжеватые волосы, вьющиеся мелкими завитками на висках и на затылке...

– Ты мной доволен, папа? – спросила она, нежно притрагиваясь пальцами к его маленькой жилистой руке.

– Знаешь, – сказал Рязанцев, любуясь женой, – мне иногда начинает казаться, что ты чересчур хороша для такого старого гриба, как я.

Варвара Михайловна покраснела. Ей было больно и неприятно слышать такие слова от него, которого она обожала до самозабвения. Ей часто казалось, что она еще слишком мало платит ему за его трогательную и доверчивую любовь к ней. У нее вдруг явилось неудержимое желание стать перед ним на колени и обнять руками его ноги.

– Не смей так никогда говорить, – прошептала она.

И жестом ребенка, берущего что-нибудь украдкой, она быстро поднесла к губам его руку и поцеловала ее два раза – сверху и снизу ладони.

Потом она вышла на террасу и принялась разливать чай, прислушиваясь к общему разговору, готовая поддержать его, если он ослабнет. Но разговор не клеился. Все жаловались на жару и истому перед грозой. Некоторые поговаривали уже о том, как бы попасть домой до дождя.

– А что же вашего Андрея Лукича сегодня нет? – спросила у Варвары Михайловны жена Ильченки, полная, суровая на вид дама, любившая винт и сплетни и державшая своего мужа под башмаком.

– Я не знаю, отчего его нет до сих пор, – ответила Варвара Михайловна. – Он обещал быть, и даже не один. С ним придет его приятель... Позвольте, как его фамилия?.. Он еще так известен своим голосом. Ах да, вспомнила: Ржевский.

– Разве вы до сих пор не были с ним знакомы? – спросила удивленно Ильченко.

– Нет. Но зато я об нем очень много слышала. Ильченко сделала лукавое лицо и погрозила Рязанцевой пальцем.

– Смотрите, не влюбитесь. Этот господин очень опасен для молодых жен и старых мужей.

Госпожа Ильченко принадлежала к числу тех привилегированных сплетниц, которые под предлогом «высказывания всей правды в глаза» говорят повсюду дерзости и гадости, рассеивая за собою грязь, смуту и ненависть. Ее никто не любил, большинство терпеть не могло, и все побаивались.

Варвара Михайловна ничего не ответила на это циничное предостережение и только улыбнулась немного свысока и презрительно, с сознанием чистоты и ничем не запятнанной репутации. Зато словами Ильченко очень заинтересовалась Мария Федоровна Тиль, гимназическая подруга Рязанцевой, красивая, глупая и сентиментальная вдовушка, за которой считались уже три-четыре всем известных связи.

– А он очень хорош, этот Ржевский? – спросила она.

Многие из гостей улыбнулись. Репутация Ржевского была очень хорошо известна в некоторых отношениях. Ильченко обязательно сообщила все, что о нем знала. Хорош ли он? Это как кому нравится, но, по ее мнению, у него лицо слишком выставочное, так сказать, парикмахерское. Нравственности у него нет никакой, и это-то, кажется, и привлекает к нему искательниц приключений, как бабочек на огонь, хотя в то же время, надо ему отдать справедливость, он очень молчалив относительно своих связей. Что касается до его пения, то правда, поет он изумительно хорошо. Его с удовольствием приняли бы на любую сцену, если бы только он выразил желание. Но он предпочитает вести свою праздную и легкомысленную жизнь, потому что не нуждается в средствах и не желает себя стеснять никакими условиями...

Варвара Михайловна не дослушала окончания характеристики Ржевского. Ее чуткое ухо заботливой матери уловило за две комнаты возню, всегда сопровождавшую укладывание ее четырехлетней дочери в постель. Она извинилась перед гостями и поспешила в детскую.

В полутемной детской, слабо освещаемой трепетным мерцанием лампы перед образом, Аля стояла на коленях в своей постели, обнесенной вокруг высокой сеткой, в одной нижней рубашке, с голой шеей и голыми, милыми детскими ручонками. Старая няня, когда-то носившая на руках Рязанцева, со старческим кротким терпением уже целых полчаса добивалась, чтобы Аля прочла как следует «Богородицу». Аля не хотела молиться и барахталась в руках няни, закидывая назад голову и звонко смеясь. Увидев входящую мать, она быстро вскочила на ноги и протянула ей навстречу руки с растопыренными пальчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.